

ровой общностью обоих произведений, а тем, что житие Александра Невского является одним из источников «Слова».

М. А. Салмина доказала, что «Слово» генетически восходит к рассказу о смерти и погребении Дмитрия Донского, отразившемуся в Симеоновской летописи.³³ Это заставляет нас обратиться к летописной княжеской похвале как возможному жанровому источнику «Слова». В научной литературе княжеская похвала не исследована. Основой похвалы является рассказ о смерти и погребении князя. Рассказ о смерти и погребении также не являлся предметом специального исследования, но частично его касался И. П. Еремин.³⁴ Выделяя как особый тип повествования летописную повесть, он указал, что основой для летописной повести служил рассказ о смерти и погребении, и перечислил его составные части: сообщение о смерти князя и упоминание о плаче над телом покойного.

Летописная повесть, по И. П. Еремину, формировалась примерно так: к названным выше частям рассказа о смерти и погребении добавилась характеристика князя в агиографическом духе, затем присоединился рассказ о событиях, предшествовавших кончине князя. Для И. П. Еремина не представлял интереса рассказ о смерти и погребении сам по себе; он рассматривался только как этап формирования летописной повести в Киевской летописи. Выйдя за пределы Киевской летописи и обратившись к материалам Лаврентьевской и Галицко-Волынской летописей, наблюдаем, что с присоединением агиографической характеристики рассказ о смерти и погребении превратился в похвалу, функционирующую в качестве некролога.³⁵ Княжеская похвала в развитой форме (сообщение о кончине князя, прямая характеристика героя, сообщение о плаче или самый текст плача) представляет собой вполне устойчивое композиционное целое. Композиционное единообразие похвалы поддерживалось ее функциональной обусловленностью.

Для нас наиболее интересной является та форма похвалы, которая сложилась в летописи к началу XV в. Это хронологическое ограничение вводится по двум причинам: 1) уже в составе указанных летописей находим вполне сформировавшиеся княжеские панегирики; 2) существенным является вопрос об отношении «Слова» к похвале, и в этой связи датировка «Слова» серединой XV в. диктует хронологические рамки. Даже при самом беглом взгляде на стиль княжеской похвалы нельзя не заметить обилия повторяющихся или близких по составу формул. Выше было указано, что для княжеской похвалы характерна определенная композиционная устойчивость. Для похвалы характерна также повторяемость мотивов, в результате чего создается стереотипный образ князя. Эти черты художественной системы похвалы позволяют представить типические обороты и их варианты в связи с литературными мотивами, которые эти обороты оформляют. Например: «Княгини же его беспрестани плакашеса» (Ипат. лет. под 1180 г.); «и рыдаху же народа множество» (Лавр. лет. под 1237 г.); «Множество народа... жалостныя слезы испущающе» (там же); «и плакашася по нем сынове его плачем великим» (Лавр. лет. под 1212 г.); «не бе слышати пение в плачи» (Лавр. лет. под 1239 г.); «Прослезитися» (Ипат. лет. под 1168 г.); «Слезы испущая от зеницю» (там же); «Слезамы обливающи лице свое» (Ипат. лет. под 1180 г.); «слезы

³³ М. А. Салмина. «Слово о житии...», стр. 93.

³⁴ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 98—132.

³⁵ См.: Ипатьевская летопись под 1168, 1178 и 1180 гг. — ПСРЛ, т. 2, М., 1962; Лаврентьевская летопись под 1212, 1218, 1237, 1239, 1288 гг. — ПСРЛ, т. 1, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926.